

УДК 1**DOI: 10.34670/AR.2023.29.60.045****Разговор о голосе****Жукова Екатерина Алексеевна**

Аспирант

Русская Христианская Гуманитарная Академия им. Ф.М. Достоевского,
191011, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Набережная реки Фонтанки, 15;
email: k-philosopher@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена феномену голоса, интерес к которому зародился еще в античности и не угасает по сей день, приобретая разные неожиданные развёртки. В данной статье понимание голоса представлено через две традиции: феноменологическую и психоаналитическую. Показано, что эти два метода не просто обнаруживают общие точки, но и сходятся в ряде производных методологий, например, в деконструктивизме, в дазайн-анализе. Интересны как влияние собственного голоса на самосознание, так и взаимосвязь собственного голоса и другого. Множество подходов к изучению феномена голоса обусловлены не только его антропологической, но и культурологической важностью, что подкреплено рядом примеров из произведений искусства. Голос – культурный признак, на который способно лишь человечество, а его изучение позволяет формулировать новые вопросы в науках о человеке.

Для цитирования в научных исследованиях

Жукова Е.А. Разговор о голосе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 402-411. DOI: 10.34670/AR.2023.29.60.045

Ключевые слова

Голос, речевой акт, майевтика, психоанализ, феноменология, деконструктивизм.

Введение

Порой мы прибегаем к метафорам, и образ голоса нередко становится частью наших мыслеформ в повседневном общении: голос теряется, прорезается, право голоса утрачивается, а иногда то, что мы называем внутренним голосом (в античности сказали бы о даймони) задаёт дальнейшие ориентиры в жизни. Когда возникает необходимость описать человека, то, помимо визуальных физических признаков, мы делаем попытку дать характеристику его голосу, его динамическому оттенку, тембральной окраске, прибегая к различным выразительным средствам: бархатный, лающий, трубный, сочный, объемный... Почему это имеет значение? Голос репрезентирует субъекта, он не обезличен, а персонализирован и является индивидуальным воплощением акта фонации, языковой способности и смыслообразования. Тема голоса отнюдь не только философская, но и музыкальная, и художественная, и поэтическая. Особое многообразие изобразительных средств, россыпь метафор и эпитетов используемых для описания голоса мы встречаем на страницах художественной литературы, ведь интонационно-речевые особенности помогают сформировать завершённый и целостный образ, художественно типизировать персонажей. «О, светлый голос, чуть печальный, слышал я прежде отзвук твой, пугливый, ласково-хрустальный...», - пишет Набоков.

Невероятно трудно определить то, что полностью подчинено субъективному восприятию, то, что нематериально, а потому каждая попытка характеристики голоса опирается на привычные и осязаемые для нас материальные аспекты. А ведь голос имеет важнейшее антропологическое значение, поскольку с момента рождения голос уже есть у человека: ребёнок приходит в мир «огромляя» его голосом (криком), а потом ребёнка сопровождает голос матери и так далее. С одной стороны голос это то близкое, что с нами всегда, а с другой – налицо сложность его определения ввиду отсутствия у голоса внешнего образа, то есть, его невидимость. Мыслители направлений наук о человеке имели и имеют интерес к речи, поскольку речь, словно нить Ариадны, может привести нас к самой «сердцевине» человека, к его сознанию и, в конце концов, к пониманию его сущности.

Голос здесь будет представлен не как самостоятельный предмет и источник эстетического восхищения, как, например, пение, которое выдвигает голос на передний план. Голос рассматривается в связке с речевым актом, выполняющим свою символическую функцию – функцию передачи информации. То есть, в данном случае, он не просто представляет собой колебания воздуха, но являет перед нами речь субъекта как индивидуальный акт свободной воли по Ницше, или речь субъекта наделенного сознанием, а сознание всецело обязано своим статусом возможности живого голосового посредника, ведь голос и сознание в человеке так причудливо сплетены.

Голос – помощник рождению истины

Рассмотрим, пожалуй, небезызвестное сократическое философствование. То есть, мы обращаемся к тому времени, когда интериорность мысли и внешность речи имели онтологическую связку. Сократ не писал, сложно представить его с книгой в руке, ведь мысль должна воспарить, истину необходимо оживлять. И в этом смысле Сократ являет собой во всех смыслах публичную фигуру, поскольку в числе прочих значений слова «публичный» - открытый, гласный. Кто говорит – тот на виду, тот существует.

Перед Сократом стояла по-настоящему божественная задача – открыть истину, а

открывалась она одним индивидом другому только в беседе, лишь диалог мог указать на неё. На одном из своих семинаров Хайдеггер рассказывает студентам анекдот-историю о Сократе: Один софист спрашивает Сократа: «А ты по-прежнему стоишь тут и говоришь всё то же самое? Ты, однако, себя не утруждаешь». Сократ отвечает: «Нет, это вы, софисты, себя не утруждаете, ибо всегда говорите о чём-то новом и о самом новом, и всегда о чём-то другом. Трудно, однако, говорить то же самое и самое трудное: говорить то же самое о том же самом». В чём же сложность и что это значит: говорить то же самое о том же самом?

Согласно законам формальной логики говорить то же самое о том же самом есть не что иное, как тавтология. В точных науках исследуемые качества самого объекта требуют прозрачности и однозначности языка. О том, что принято, физик больше ничего сказать не может, но философ – может. Хайдеггер отмечает тождество «сказать» и «показать», то есть, сказать значит показать, продемонстрировать то, что заранее содержится в языке, в мире. Человек стоит перед феноменами, которые сами к себе требуют соответствующего им способа обнаружения, внятия [9, с. 62], для Сократа это вечные, неизменные и идеальные формы, появляющиеся благодаря актам творчества или интендирования. Хайдеггер продолжает: «Показ(сказ) идеального объекта может повторяться бесконечно». Предметом сократических диалогов был именно идеальный объект (нечто умозрительное и вечное), в противовес изменчивому миру повседневной действительности. То есть, идеальный объект может бесконечно повторяться, репрезентироваться, оставаясь при этом тем же самым, не впадая в зависимость от актов здесь-и-теперь, пребывая в среде вечной генерации и конституирования смыслов. Более того, идеальный объект не имеет отношения к обычному человеческому опыту, по сему он и может выражаться только в таком элементе, чья феноменальность не имеет мирской формы – в голосе. Феноменологический голос и был этой духовной плотью, что продолжает говорить и быть для себя настоящей – слушать себя – в отсутствии мира [Деррида, 2017, с. 27], голос превращает тело мира в плоть, слово является телом, которое что-то означает только если актуальная интенция приводит его из состояния инертной звучности в состояние одушевленного тела [Деррида, 2017, с. 108]. У Деррида читаем: Так как его (идеального объекта) присутствие в интуиции, его бытие-перед пристальным взглядом, не имеет сущностной зависимости от какого-либо эмпирического синтеза, вос-становление его смысла в форме присутствия становится универсальной и неограниченной возможностью [Деррида, 2017, с. 101]. За счёт поступательного движения вопросов и ответов, мы подходим к познанию идеальной формы понятий и получаем возможность правильно судить об истине, справедливости или красоте вещей [Уэст, 2015, с. 313], то есть голос здесь выступает как посредник универсальной значимости, проводник в мир идей, в царство истины, приблизиться к которой возможно только оставив материальный мир: Это было, например, показано Менону: раб, поначалу с уверенностью отвечавший на математический вопрос Сократа, оказывается в затруднении, признает свое незнание, но затем, с помощью последующих вопросов, приходит к правильному решению. По этому образцу происходит высвечивание истины в разговоре. Собеседники ее еще не знают. Но она уже здесь: оба они ходят вокруг нее и ведомы ею [Ясперс, 2007, с.227-228].

Мы видим прямую связь между эмпирическим (тем, что в мире) и трансцендентальным (тем, что не в мире). Суть сократовского говорения того же самого о том же самом можно сформулировать как конституирование следа в самом широком смысле, как то, что имеет возможность бесконечного повторения и пребывания не только в чистой актуальности Теперь, но и возвращение Того же самого и неизбежное вписывание его в само присутствие [Деррида, 2017, с. 91].

Не прощаясь с Сократом, обратимся к следующей его максиме: «Познай самого себя» или, что корректнее: «Заметь себя». Казалось бы, в чём связь между голосом и установкой Сократа на самопознание? Однако, голосовой опыт является опытом саморефлексивным и самоотносительным. То есть, являясь посредником идеального значения, голос, в том числе, становится и посредником самосознания. Каким образом это происходит? Ранее мы уже говорили об идеальности объекта, который производит новые смыслы оставаясь при этом неизменным, универсальным. Новые смыслы конфигурируются благодаря знаку, а именно, лингвистическому знаку, присутствие которого дано непосредственно в основе самосознания. Неверно было бы утверждать, согласно Деррида, что смысл опосредует знак, то есть, что знак начинает действовать только после интуиции смысла. Деррида, наделяя голос видимым трансцендентным достоинством, говорит о существовании связи между актом голоса и проявлением сознания. Сознание присутствует тогда и только тогда, когда совершается переход через знак. Благодаря лингвистическому знаку мы становимся объектами самих себя, а это значит, что приходим к знанию о себе самих [Фекондо, 2012, с. 161-167], однако, говоря о голосе, об интенциональности речи, нельзя не упомянуть посредника, так называемого, другого, в связке с которым осуществляется процесс самопознания и открытие истины.

Голос и письменность или присутствие и неприсутствие

Если письмо не нуждается в живом присутствии субъекта, да и сам автор отсутствует, то речь предполагает наличие и говорящего, и слушателя. Безусловно, субъект может говорить сам с собой, прибегая к внутреннему монологу, тому, что Деррида называет безмолвным голосом «одиноким ментальной жизни», однако, в таком случае, здесь для нас теряется исследовательский интерес, ведь мы рассматриваем речь как обязательное базовое условие человеческих отношений. Слушание своего говорения, то есть то, что я себя слышу в то же самое время, когда говорю, принадлежит к феноменологической сущности этой операции. Субъект воспринимает чувственную форму фоном и понимает свою собственную выразительную интенцию. Слышать собственный голос – это чистое самовозбуждение: оно принимает временную форму и не ищет вовне ничего чуждого своей собственной стихии, это уникальный опыт стихийного самопорождения означаемого внутри Я и полного стирания означаемого [Деррида, 2000, с.137]. Деррида замечает, что слушание собственной речи редуцирует даже внутреннюю поверхность собственного тела. Слушание собственного голоса в непосредственной близости к себе фактически является абсолютной редукцией пространства вообще [Деррида, 2017, с. 106].

Однако, когда меня слушает другой, то говорить означает повторять непосредственно в нём слушание-своей-речи в той же самой форме. Слушатель/другой/посредник тем самым выполняет функцию сохранения актуального, сохранения присутствия объекта перед интуицией. Это повторение есть репродукция чистого самоотношения без помощи чего-то внешнего, это повторение свободное от мирской пространственности [Деррида, 2017, с.107], это идеальное бытие конституируемое, повторяемое и выражаемое в посреднике. Здесь вспоминается полифонический диалогизм Бахтина, который в основу человеческих отношений и человека вообще положил идею взаимодействия двух сознаний.

Структура репродукции речевого акта совершенно уникальна еще и тем, что в акте выражения отсутствие чего-либо внешнего является самой формой непосредственного присутствия означаемого (смысла с неопределенными границами), которое является идеальным

по своей сущности, а означающее (психический образ звука), становится совершенно прозрачным в силу абсолютной близости к означаемому. Живой, жизнедающий акт (дыхание и интенция значения) оживляет тело означающего, трансформирует его в наполненное значением выражение, в душу языка [Деррида, 2000, с.104]. Речь, в сущности, выразительна потому, что она состоит в выведении наружу, в экстерииоризации содержания внутреннего мышления [Деррида, 2017, с.150].

Мы всегда обращаем внимание на то, что есть, это то, что Деррида назвал «метафизика присутствия», невероятно важно удерживать смысл сейчас, пока звучит голос, который наделяет нас неограниченной властью над означающими. Деррида отмечает: «Эта близость (означающего и означаемого) разрушается тогда, когда вместо слушания моей речи, я вижу письмо или жест» [Деррида, 2017, с.107]. Если голос симулирует присутствие, настоящее, то письмо задаёт преемственность, оно безусловно способствует осознанию единства человечества перед прошлым, настоящим и будущим, но в то же время письмо отчуждает. Оно устанавливает дистанцию, задаёт проблемы логичности, абсолютизирует знание и строго очерчивает область науки, более того, письмо будто обольщается знанием, претендуя на непротиворечивость и исчерпываемость. Например, у Годара в «Прощай, речь 3D» звучит фраза: «Закон жульничает, отрицает собственное насилие. Жульничает, отрицая то, что превращает его в государственный аппарат. Закон, утверждающий будто основывается сам на себе, жульничает вдвойне». Помимо остросоциального смысла, это высказывание даёт интересный разворот и в рамках рассуждений о так называемой букве закона, претендующей на объективность, которой не существует. Призванный для того, чтобы обезопасить общество и предотвратить насилие, текст закона сам по структуре своей является примером насилия. Множественные интерпретации позволяют нам взглянуть на текст закона под разным углом, трактовать его в зависимости от контекста, но не изменять его. Он будто накладывает жесткую интерпретационную рамку на общество, которое более стихийно и едва ли жёстко детерминировано логикой порядка. Как отмечал Ролан Барт: при превращении смысла в форму, из него испаряется всякая история, остается лишь голая буквальность. То есть, в нашем примере текст закона будто трансформирует изначальную непрозрачность мира в чистую прозрачность, редуцируя язык и, вместе с тем, общество, а также очерчивает логическое а priori в общем а priori языка.

Гуссерль наделяет привилегией непосредственность и присутствие голоса или речи, противопоставляемые письму. Его, в отличие от письменной речи, тяжело удержать в определенных границах, это то живое, что ускользает от всех разделений, предшествуя редукации, то есть голос не подчинен строгой логике, а под логикой мы понимаем прежде всего грамматику, то есть, систему правил, позволяющих нам идентифицировать речь как речь: Речь, несомненно, должна иметь смысл, но обязательно ли ошибочность и абсурдность противоречия делают её неинтеллигибельной? Обязательно ли они лишают речь её опытного и интеллигибельного характера, платя ей тем самым бессмыслицей [Деррида, 2017, с.17]?

Являясь частью человеческого или гуссерлевского «жизненного мира», голос выступает своего рода связкой между объективным научным знанием и историческим человеческим контекстом. Соссюр, разделяя язык и речь, говорит, что язык это некоторая система знаков, строго упорядоченная и структурированная, а речь, в отличие от языка, это индивидуальные высказывания с опорой на универсальную структуру языка. Таким образом, субъект, имеющий дело не с языком, но с только сегментами языка, тем не менее способен стать частью научного сообщества, и одновременно как субъект речевого акта — напрямую выйти к реально функционирующему «я».

Надо сказать, что без языка не возможны человеческие отношения, язык это способ сцепления с миром и та защита, что даётся человеку находящемуся наедине с самим собой, одним словом, язык это то, что входит в определение человеческого бытия. Являясь связующим звеном субъекта и мира, словесность одновременно служит оболочкой для человека. Вспомним знаменитое высказывание Хайдеггера «язык – дом бытия»: не человек создает язык, а язык создает человека, то есть дом не отделен от человека, а составляет с ним одно целое. И хотя язык всецело не сводится к голосу, его связь со звучанием не простая случайность.

Свой чужой голос

Ранее мы уже отмечали, что согласно мысли Хайдеггера, сказать значит показать, «казать». Человек, пишет Хайдеггер, тем и отличается от животного, что может «казать», владеет языком. Животное, напротив, не говорит, ему нечего сказать, нечего «казать». Не всякое «казание» есть говорение, но всякое говорение есть «казание», даже «ничего не говорящее» говорение [Хайдеггер, 2012, с. 141]. Сам собой словно напрашивается антагонизм человека и животного, социального и природного. С одной стороны речь как социально-исторический процесс, с другой – единое безмолвие. Попытку такого перехода от человека исторического к человеку духовному показал Александр Сокуров в своей кинокартине «Одинокий голос человека». В ней в одной карусели закружились голоса живых и мертвых образуя единое пространство: пространство бессмертия душ. Словно в пику Парменидовского «бытие есть, а небытия – нет», Дмитрий Иванович, один из героев картины, возвращается с того света, с глубин небытия, удовлетворив своё любопытство, разгадав таинственный смысл смерти. За пределами осязаемого, внешнего мира, существует иной вневременной мир, в котором воедино слились жизнь и смерть, и в котором уже нечего «казать» ни животному, ни человеку, в котором всё известно. Дмитрий Иванович говорит словами Андрея Платонова: «Рыба между жизнью и смертью стоит, оттого она и немая и глядит без выражения; телок ведь и тот думает, а рыба нет – она всё уже знает».

О молчаливой участи животного в одном из культурологических этюдов размышляет и Александр Черноглазов: бросившийся на шею избиваемой лошади Ницше впоследствии изгнал из себя слово. Отождествив себя с животным, он сам обратился в безответное, бессловесное существо. Откуда возникает такое сильное чувство жалости к лошади? Дело в том, что объектом сострадания животное делает его лишенность языка как убежища и его стояние лицом к лицу с реальным [Черноглазов, 2018, с.90-93]. Животное лишено речи. Лакан говорит: «Эмоциональная амбивалентность хрюканья представляет собой реальность, которая по сути своей не организована» [Лакан, 2019, с.315]. В отличие от животного, человек пронизан семиотическими потоками, наделен словом, как символической гарантией, то есть он экранирован от реального целым арсеналом средств, в числе которых не только всевозможные образы, но безусловно и речь.

Голос в психоанализе является символическим измерением человеческой жизни, той системой, которую субъект «набрасывает» на реальное создавая его. Да, действительно, реальность это не бушующая, выходящая из под контроля стихия, она также упорядочена и структурирована символическим регистром. Для наглядности возделывания реального символическим возьмем пример из 10 тома семинаров Жака Лакана «Тревога»: Пустота, которая содержится в акустической трубке, диктует свою волю той резонирующей в ней реальности – реальности, определить которую не так то просто и которая открывается нам лишь

одним шагом позже, - что мы именуем голосом [Лакан, 2010, с. 342].

Далее Лакан проводит аналогию с флейтой. Как при зажатии одного из отверстий выдох влияет на всю вибрацию одновременно, однако, значение голоса заключается не в том, чтобы резонировать в пустом пространстве: он не ассимилируется, он инкорпорируется, и это позволяет ему моделировать пустоту. Голос это объект в символическом поле субъекта, тот посредник, влияние которого экстраполируется на всё то, что находится по ту сторону фантазматического экрана. Важно то, что такой объект не имеет зеркального отражения, он скрыт, в образе остается неуловим, и всё-таки собственный голос мы узнаём, такой объект Лакан именуется объектом а [Лакан, 2010, с.313-315].

Обратившись к этимологии слова «объект» [от лат. *objectum* «брошенный обо что-то»] мы обнаружим, что без субъекта объект пуст, что наличие субъекта подразумевается в «ядре», основе термина. То есть, голос не существует сам по себе, обособлено. Голос – внетелесное нематериальное дополнение тела, он агент внешнего и внутреннего, но не принадлежащее ни к тому, ни к другому, Долар далее скажет, что голос находится в зоне частичного совпадения [Долар Младен, 2018, с.193]. С одной стороны, субъект идентифицирует свой голос, используя в отношении него притяжательные местоимения, говоря, например, «мой голос», а с другой - испытывает дискомфорт, когда слышит свой голос в записи. Существует значительная разница между тем, как субъект слышит себя и как его слышит другой в одно и то же время. Речь идёт о расщеплении между ухом и голосом. У уха интересная биологическая особенность строения: в отличие от глаза, который можно закрыть, ухо всегда открыто, что исключает возможность моментально обезопасить себя и изолироваться от звука. Ухо, физиологически принадлежащее человеку, символически ему не принадлежит, ухо «настроено» на голос другого, то есть, субъект всегда находится в регистре слышимого, а голос принадлежит не говорящему, а слушающему, и этот слушатель всемогущ вершить судьбу голоса на своё усмотрение: внимать, либо же игнорировать его [Долар Младен, 2018, с.191]. Голос отвечает на то, что говорится, но отвечать за это он не может. Лакан поясняет: «Чтобы голос мог дать ответ, мы должны включить его в своё тело как инаковость того, что говорится» [Лакан, 2010, с.342-343]. Вспомним, что эффект эха также вызывает в нас тревогу по причине столкновения с кем-то, кто, преобразив, возвращает нам наш собственный голос, голос без тела.

Лакан связывает тревожаще-странное ощущение встречи с собственным голосом с разрушением нарциссизма. Дело в том, что мы владеем не голосом, а лишь представлением о нашем голосе. Фундамент, на котором возникло это представление, находится в окружающем мире и, захваченный звуковым образом вовне, субъект отождествляет себя с ним, впоследствии присваивая этот звуковой образ себе. Именно поэтому Лакан говорит, что звук собственного голоса представляется нам чужим [Лакан, 2010, с.343]. Да, действительно, чужой, в некотором смысле, наличествует и внутри субъекта, как нечто, что вызывает напряжение, отторжение, что требует символической интерпретации, и под наличием чужого мы подразумеваем не проникновение в тело субъекта фантастического инородного предмета, как, например, в одноименном фильме Ридли Скотта, нет. Речь идет об опыте столкновения с Другим. Это он, Другой, отвечает нам эхом. С первым представлением об измерении Другого субъект сталкивается еще в младенчестве, слыша голос матери. В дальнейшем субъект продолжает пребывать в звуковом регистре, находясь между уровнем владения собой и неуловимым, неконтролируемым голосом Другого [Долар Младен, 2018, с.119]. Долар говорит о том, что голос это палка о двух концах: голос даёт субъекту власть над Другим. Находясь в точке между присутствием и отсутствием, голос служит основанием к узнаванию себя в качестве адресата

Другого, то есть, голос позволяет субъекту подманить к себе то, что представляет собой его Другой. Мы неслучайно используем слово «подманить», ведь их встреча лицом к лицу невозможна: субъекта с Другим разделяет объект а, это он не позволяет им «слиться», то есть, не позволяет субъекту утратить свою особость. Между ними необходима дистанция. Чтобы говорить необходима дистанция. Вспомним случай Доры, который описывает Фрейд. Дора, оставшись слишком близко с госпожой К., то есть, слишком близко с объектом своего желания, утратила голос. Далее Долар говорит о том, что голос даёт субъекту уязвимость перед Другим: Голос попадает прямоком во внутреннее настолько, что становится шатким сам статус внешнего, раскрывая внутреннее настолько, что сама гипотеза внутреннего оказывается в подчинении у голоса. Голос обнажает слишком много [Долар Младен, 2018, с.191].

Голос может являть собой неограниченную власть, вспомним в качестве примера завораживающие песни сирен, их голос превратился в механизм объекта влечения и жертвами этого голоса пала не одна дюжина моряков. Тем не менее, несмотря на всю значимость вербальности, Лакан в римской речи констатирует общее снижение интереса к функциям речи и полноту языка, но кое-где этот интерес остаётся неизменным, а именно в кабинете психоаналитика. Речь пациента – среда психоанализа. Помните изречение Сократа: «Заговори, чтоб я тебя увидел»? Для психоанализа тоже слово хоть и донельзя стертное, сохраняет ценность, оно, как и у Сократа, конструирует истину, даже имея целью обман [Лакан, 1995, с. 22]. Но если майевтика Сократа всё-таки фундируется на вопрошании и оглашении, озвучивании того знания, что субъект имеет в себе, то для психоанализа момент остановки речи, молчание анализанта является не менее существенным моментом его подступа к истине.

Заключение

Как для феноменологии и её производных, так и для психоанализа голос являлся и остается по сей день предметом изучений и споров. Так, например, если Деррида путём своего деконструктивистского поворота пытается низвести голос до уровня простого присутствия, то в то же самое время Лакан, например, говорит о расколе и разрыве, который голос внедряет в присутствие и отсылает его к пустоте. На протяжении всей истории западно-европейской мысли, да и всей истории человечества, существовал примат голоса над письмом, то есть, общество в основе своей фоноцентрично, и это не могло отразиться на культуре, в которой мы живем. Голос также важен не только для понимания общества в целом, но и для понимания отдельно взятого человека с его сознанием, его взаимодействия с другим и с Другим. Философы и мыслители разных лет ведут схватку с истиной, но в конце концов понимают, что их предмет гораздо многограннее, требует разной оптики для его умопостижения и оставляют свои размышления как благодатную почву для взращивания новых авторитетных истин, которые также впоследствии будут подвергаться сомнению.

Библиография

1. Деррида Ж. «Голос и феномен» и другие работы по теории знака. – СПб.: Алетейя, 2017.
2. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. Н. Автономовой. М., 2000.
3. Долар Младен. Голос и ничего больше / Пер. с англ. А.Красовец; Предисл.В.Машина. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018.
4. Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа //М.: Логос. – 2019.
5. Лакан Ж. Семинары. Книга 10. (1962/63) Тревога. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2010.
6. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. Пер. с фр. / Перевод А.К. Черноглазова. М.: Издательство

«Гнозис», 1995.

7. Уэст Д. Континентальная философия. Введение / Дэвид Уэст; пер. с англ. Д.Ю.Кралечкина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
8. Фекондо А. ДЕРРИДА И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАБОТЫ" ГОЛОС И ФЕНОМЕН" //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2012. – Т. 10. – №. 4. – С. 161-167.
9. Хайдеггер, М. Цолликоновские семинары. Протоколы. Беседы. Письма. Издано Медардом Боссом/Мартин Хайдеггер.–Вильнюс: ЕГУ, 2012.
10. Черноглазов А. Приглашение к Реальному: Культурологические этюды. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018.
11. Ясперс К. Великие философы. Будда, Конфуций, Лао-цзы, Нагарджуна / К.Ясперс; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2007.

Conversation about voice

Ekaterina A. Zhukova

Postgraduate student

Department of Philosophy, Theology, Religious Studies

Russian Christian Academy of the Humanities

191011, 15, The Fontanka Embankment, Saint-Petersburg, Russian Federation

e-mail: k-philosopher@mail.ru

Abstract

The article is dedicated to the phenomenon of voice, which has aroused interest since the dawn of Antiquity and is still relevant in the modernity. There are several different approaches to how voice can be investigated. The author analyzes voice using principally phenomenological and psychoanalytical traditions while also paying attention to deconstructivism. Phenomenology and psychoanalysis may possibly converge in a number of derived methodologies. A subject's voice influences both himself/herself and the other. This point of view is covered in details in interpretations of Husserl, Derrida, Lacan, Dolar, etc. The ideas proposed in the article are supported by a number of examples from the cinema and other pieces of art. Among other aspects of culture, voice is the only one that can be attributed solely to humans. The issue of voice has great anthropological and cultural significance for humanitarian fields of science. Despite its prominence and pervasive nature, voice has not yet been studied thoroughly.

For citation

Zhukova E.A. (2023) Razgovor o golose [Conversation about voice]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 402-411. DOI: 10.34670/AR.2023.29.60.045

Keywords

Voice, speech, maieutics, psychoanalysis, phenomenology, deconstructivism

References

1. Chernoglazov A. (2018), "The Invitation to the real: Cultural Studies" ["Priglasenie k real'nomy: kul'turologicheskie etudy"], Izdatel'stvo Ivana Limbakha, Saint-Petersburg, pp. 90-93.

Ekaterina A. Zhukova

-
2. Derrida, J. (2000) "Of Grammatology" ["O Grammatologii"], Izdatel'stvo "Ad Marginem", Moscow, pp. 104-137.
 3. Derrida, J. (2017) "Speech and phenomena and other essays on theory of signs" ["Golos i fenomen" i drugiye raboty po teorii znaka"], Aletheia, Saint-Petersburg, pp. 27-108.
 4. Dolar, M. (2018) "A Voice and Nothing More" ["Golos i nichego bol'she"], Izdatel'stvo Ivana Limbakha, Saint-Petersburg, pp. 119-193.
 5. Fecondo, A. (2012) " DERRIDA AND PHENOMENOLOGY A CRITICAL ANALYSIS OF «VOICE AND PHENOMENON»" ["Derrida i fenomenologiya Kriticheskoye issledovaniye raboty "Golos i fenomen""], Novosibirsk, pp. 161-167.
 6. Heidegger, M. (2012) "Zollicon Seminars. Protocols. Conversations. Letters." ["Collikonovskije seminary. Protocoly. Besedy. Pis'ma."], published by Medard Boss, Vilnius, pp. 62-141.
 7. Jaspers, K. (2007) "Great Philosophers. Buddha, Confucius, Lao Tzu, Nagarjuna" ["Budda, Konfutsiy, Lao-tszy, Nagardzhuna"], IPh RAS, Moscow, pp. 227-228.
 8. Lacan, J. (1995) " The Function and Field of Speech and Language in Psychoanalysis" ["Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhoanalize"], Gnozis, Moscow, pp. 22.
 9. Lacan, J. (2019) "Seminars. Book 1. Freud's Papers on Technique 1953-1954" ["Seminary. Kniga 1. Raboty Freyda po tekhnike psikhoanaliza"], Gnozis/Logos, Moscow, 315 p.
 10. Lacan, J. (2019) "Seminars. Book 10. Anxiety " ["Seminary. Kniga 10. Trevozhnost"], Gnozis/Logos, Moscow, pp. 313-315; 342-343.
 11. West, D. (2015) "Continental Philosophy. An Introduction" ["Kontinental'naya filosofiya. Vvedeniye"], Izdatel'skii dom "Delo", Moscow, 313 p.